

К ПРОБЛЕМЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ЯЗЫКА НАУКИ В ПОСТПОЗИТИВИСТСКОМ ПЕРИОДЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX СТОЛЕТИЯ

Статья посвящена обсуждению проблемы теоретико-познавательного статуса языка науки в поздних концепциях аналитической философии. В ней намечаются возможные подходы к систематизации и историко-философской реконструкции представлений аналитиков, способных послужить фундаментом дальнейшей разработки вопросов философии и методологии науки, относящихся к гносеологическому истолкованию различных языковых систем научного знания.

«Хорошая система записи обладает такой утонченностью и так стимулирует мышление, что кажется временами почти что живым учителем. Неточность записи является первым признаком философских ошибок, а совершенная запись была бы эквивалентом мышления» [9, 21]. Эти слова Бертрана Рассела можно считать установочными для аналитической философской традиции.

* * *

В свете проблемы определения гносеологического статуса языка науки в аналитической философии представляется необходимым провести некоторое обобщение уже накопленного опыта ее осмысления. Рассматривая программные подходы аналитиков последних десятилетий, можно отметить, что в 60–80-е годы XX столетия проблемы языка науки, философии и самой науки решают с нескольких позиций. Прежде всего это лингвистическая версия, сторонниками которой являются М. Даммит, Д. Дэвидсон, П. Стросон и др. Точкой пересечения их идей оказываются теории значения и референции в структурном поле языка науки. Результаты их исследований используются затем для анализа онтологических, научных, этических, религиозных утверждений. Главные вопросы здесь: что такое значение, каким образом слова нашей речи характеризуют предметы и явления окружающего нас мира? Данное направление ставит лингвистические проблемы в основание всей системы философского знания, не отрицая обоснованность философских утверждений. Важное условие для нормального развития научно-философского знания – сведение проблем в рамки терминологии философии языка.

П. Стросон, Н. Хомский и М. Даммит исходят из установки, что онтология входит в основания грамматики языка и потому необходимо создать особый онтологический словарь. Глубинная универсальная грамматика нужна как средство анализа той информации о мире, которая закреплена в базисных языковых структурах и в научном знании. Такая грамматика должна сопутствовать сильной семантической теорией.

Так, по мысли Майкла Даммита, теория значения – это теория того, как функционирует язык [3, 244–246]; она должна иметь такие важные характеристики, как строгость, мощные объяснительные возможности, а логическая теория истины окажется только частью более широкой теории значения. Суть одного из вариантов подобной теории в рассуждениях Даммита такова: ядро данной теории составит концепция истины, то есть теория референции (индуктивная спецификация условий истинности суждений языка науки), «оболочкой» ядра будет теория смысла. Теория смысла и теория референции составят самую важную часть систематической теории значения. Согласно Даммиту, только на базе теории языка (формальной теории языкового значения) считается возможным развитие философского знания. Гносеологические основы языка науки предполагают в данном случае изучение критериев истинности тех или иных предложений. Так, в работе «Истина» [4] М. Даммит рассуждает о том, что в строго заданном языке, свободном от противоречий и семантических вариантов, возможна характеристика истинных предложений. Такая характеристика является «рекурсивной», определяющей истину сначала для простых синтаксических

конструкций, а затем для более сложных, построенных посредством логических операций, используемых в языке. Это неотъемлемый критерий формальных языков в плане определения истины. Исследования британского философа во многом подчинены установке всестороннего теоретического рассмотрения понятия истины, значения, определению его места в процессах человеческого познания, понимания, коммуникации, механизмов функционирования языка науки, а также обоснованию его ведущей роли как средства концептуального анализа данных механизмов.

В основе философии Питера Стросона – логико-лингвистический анализ «базисных» понятий особой формализованной концептуальной схемы и демонстрация семантических взаимоотношений этих понятий. «Мы связываем значение с истиной, – комментирует Стросон, – а истину – с предложениями. Предложения же принадлежат языку. Но как теоретики мы ничего не знаем о человеческом языке до тех пор, пока не поймем человеческой речи» [11, 230]. Гносеологический аспект исследований – это работа с истиной и устранение заблуждений. Так, аналитический акцент должен быть направлен на качественное изучение человеческих возможностей и естественного языка, а через его природу – на гносеологические основания языка науки.

Философ-аналитик Дональд Дэвидсон разрабатывает гносеологические аспекты в изучении языка науки и естественного языка. Одна из основных его мыслей сводится к тому, что изучение языка ведет за собой автоматическое познание свойств реальности. «Если условия истинности предложений, – поясняет Дэвидсон, – поместить в контекст универсальной теории, то получившаяся лингвистическая структура будет отображать общие особенности реальности» [5, 5]. К тому же «поиск наиболее простого и ясно-универсального образца канонической записи не следует отличать от поиска фундаментальных категорий, показывающих наиболее общие черты реальности» [5, 5].

Дональд Дэвидсон затрагивает актуальные проблемы теории значения и языка на-

уки. По его мнению, именно семантике принадлежит изучение условий истинности высказываний в противовес ложным посылкам. К тому же если условия истинности поместить в контекст универсальной теории, то получившаяся лингвистическая структура будет ясно отображать общие особенности реальности. Дэвидсон ставит перед собой цель – построение теории истины, которая должна объяснить «условия истинности произнесения некоторого предложения, опираясь на роль слов в этом предложении» [5, 7]. По мнению философа, можно создать теорию истины для естественного языка, если знать, как систематическим образом преобразовать предложения естественного языка в предложения формального. Анализ в данном случае ориентирован не на изучение естественного языка, а на его понимание, поэтому формализованные языки он воспринимает как средства исследования более сложной естественно-языковой структуры. Также важной в теории Д. Дэвидсона является идея применения философии языка к анализу метафорических контекстов.

Суть универсальной теории, о которой пишет Д. Дэвидсон, заключается в следующем: если к семантически значимым атомам (словам) прибавить аналогичные элементы, то мы получим бесконечное множество предложений, следствием чего станет семантическая теория, необходимая для конструктивной работы по прояснению значения данных предложений. Очевидно, что такая теория должна быть простой и ясной, с конкретным и обоснованным логическим аппаратом, который может объяснить, каким образом функционирует язык. Возможности такой теории будут в определенной степени зависеть от используемых логических средств. Метод истины, в свою очередь, – метод уточнения универсальных идей. Однако, по мнению философа, теория истины «лишь описывает образцы истин среди предложений, не говоря нам о том, когда эти образцы оказываются непригодными» [5, 7]. Поэтому развитая семантика в должной мере будет способствовать не только структуризации контекстов, но и прояснению, поскольку она изучает условия истинности предложений.

По мнению Дэвидсона, естественные языки (как более сложные формальные языковые образования) нуждаются во вспомогательных средствах для их прояснения, истолкования; такими средствами могут стать обычные формальные языки.

В своей работе «Метод истины в метафизике» Д. Дэвидсон комментирует мысли У. Куайна и отмечает, что для него теория истины была не так важна: она не была «ни ключом к онтологии, ни основой проверки логической формы» [5, 11]. Как и Готлоб Фреге, Куайн рассматривал качественно структурированный язык как средство улучшения естественного языка, а не как часть языковой теории. Если Г. Фреге полагал, что его универсальная система записи улучшает язык, то Куайн считал, что система записи улучшает состояние науки в целом. У. Куайн остается на стороне формальных (первопорядковых) языков со стандартной логикой, поскольку логика их проста, в них можно выразить интересные с научной точки зрения контексты естественного языка [5]. Актуальность логико-лингвистических исследований аналитиков XX столетия связана, таким образом, с решением проблемы гносеологического соотношения естественного языка и языка науки. Вчитываясь в рассуждения представителей философии науки, понимаешь, что зачастую речь идет о синтезе двух альтернативных установок – логического и лингвистического анализа. Наиболее активные исследования последних лет в этой области связаны с применением формальной техники к исследованию естественного языка. Философы пытаются разобраться в уникальности языка с помощью созданных ими на основе математики и логики формальных систем и применения их к языку науки, как более простому, нежели естественный язык.

В 50–70-е годы XX века в аналитической традиции произошли изменения, получившие впоследствии название «натуралистический поворот» (или «соционатуралистическая» версия). Приверженцы данного направления – У. Куайн, М. Дэвитт, К. Стилни – определяют место философии в научной системе (как ее часть), утверждают, что философия языка не является основополага-

ющим направлением в рамках научно-философского и ненаучного знания, а сама философия определяет взаимосвязь и структуру научного и обыденного знания. Также основная мысль состоит в том, что полное представление о языке и сознании нельзя получить, опираясь только на анализ его коммуникативных и обучающих функций; необходимо брать в расчет и истоки (биологические корни) языка. Начиная с 60-х годов XX столетия в лингвистике появляются программы (к которым и обращают свое внимание аналитики), ставящие на передний план рассмотрение языка с позиций того, что в фонетике, грамматике «от природы», а что – от «социума» и обучения.

Если отталкиваться от основных идей теоретиков указанного направления, то очевидно, что на лидирующие позиции выходит семантическая теория. Это означает перевод разговора об объекте в тех или иных терминах на обсуждение самых этих терминов, то есть, по Р. Карнапу, «перевод материального модуса речи в формальный модус речи» [7, 8]. Сосредоточив свое внимание на анализе научного знания (и в этом отношении продолжив традицию логического позитивизма), У. Куайн и его единомышленники дали собственную интерпретацию проблеме значения, отношению теоретического и эмпирического, аналитического и синтетического.

Уиллард Куайн в своих исследованиях принял стратегию «семантического восхождения» (*semantic ascent*), но, тем не менее, он не считал, что философские проблемы по своей природе носят лингвистический характер. Просто перевод их в языковый модус речи, то есть как мы говорим и правильно ли говорим о них, является хорошим способом их прояснения и решения, поскольку в материальном модусе речи это сделать невозможно. По мысли американского философа, логика языка науки проста, она позволяет качественно интерпретировать интересные с точки зрения науки части естественного языка. Куайн был против разделения аналитического и синтетического знания, отверг принцип *a priori* по отношению к познанию, а также принцип верификации значения: он полагал, что убеждения человека соотносят-

ся с опытом все вместе и подтверждаются или не подтверждаются только как совокупность, а не по отдельности. В любую такую систему убеждений включаются предложения логики и математики, принятие которых является до некоторой степени эмпирическим, а не априорным. «Характерной чертой научной философии в настоящее время, – комментирует У. Куайн, – становится возрастающее внимание к природе языка. В ответственных научных кругах эта тема уже не отделяется от иных серьезных проблем» [6, 156].

М. Дэвитт находится в числе тех аналитиков, которые предлагают отказаться от проведения семантических исследований в духе идей представителей «философии языка», он призывает рассматривать семантику как эмпирическую науку, в которой ни лингвистическая интуиция, ни метод «мысленного эксперимента» определяющей роли не играют. Подобная семантика должна использовать определенную теорию сознания для объяснения работы языка. Если, например, М. Даммит в целом высоко оценивает семантическую теорию Г. Фреге, то аналитики данного направления указывают на недостаток теории немецкого логика в плане того, что он не сумел в должной степени отразить социальный характер языка. Кстати, по мнению Даммита, эту важнейшую черту языка в большей степени выразил в своих поздних произведениях Л. Витгенштейн.

Важно отметить, что многие исследования естественного языка и языка науки сегодня активно развиваются в междисциплинарных областях – в психологии, психолингвистике, теории искусственного интеллекта, философии языка, теории систем и др. В рамках работы указанных научных направлений поставлена задача найти единство в человеке, в котором взаимопредставлены духовное, телесное, долингвистическое, языковое, природное, социальное начала. Следует сказать о социобиологии, которая возникла в 70-х годах XX столетия. Ее авторы и теоретики отходят от философских стандартов, опираясь на данные социологии, эволюционной генетики и других современных научных направлений, чтобы объяснить человека от «а» до «я»: его сознание, язык,

мораль, культуру. В итоге все рассмотренные синтетические нововведения прежде всего расширяют проблемное поле исследований, относятся к внутренней, содержательной стороне философии.

Вопрос о гносеологическом статусе языка науки решается также с позиции собственно философской концепции аналитического течения, определяющей особый статус и предметную область философии (Б. Страуд, Л. Коэн, Х. Патнэм). Акцент представители данного направления делают в основном на проблемах аргументации (обоснования) знания. В философии американского аналитика Х. Патнэма проблема языка переплетается с проблемами философии науки. Он работает с понятием «значение», предлагает переосмыслить всю традицию анализа значения, начиная с Фреге, в концепции которого Патнэм видит источник заблуждений и не согласен, например, с тем, что каждое выражение должно иметь фиксированный смысл, позволяющий нам указать референт. По мнению Патнэма, следует порвать с фрегеанской семантической традицией, отказавшись от деления значения на две составляющие – смысл и референт. Значение для Патнэма социально по своему характеру. Этот аспект значения обобщается философом в социолингвистическую гипотезу.

Х. Патнэм полагал, что наибольшей важностью обладает исследование проблем языка науки и анализ условий истинности для предложений. Истина же, по мысли философа, представляет собой некую разновидность идеальной согласованности (coherence) наших убеждений друг с другом и данными опыта в той же степени, в какой эти данные репрезентированы в нашей системе убеждений. Аналитик вводит понятие «нормативная», или «первопорядковая», семантика (это своего рода академическое образование в структуре научного языка, определяющее исходные значения слов), которая является наиболее подходящей для формализации или интерпретации; интерпретацию будут иметь только те термины, предикаты и отношения, которые определяются в строго логических аргументах. Логика, по мнению Х. Патнэма, играет решающую роль в пост-

роении теоретико-модельного аргумента в системе языка науки для точного описания знания. Важным в теории Патнэма является положение о том, что теоретические и «операциональные» ограничения, как «естественные отношения», связывающие теорию и данные опыта, определяют истинность целых предложений (причем других ограничений на истинность нет), но не задают отношения указания для терминов.

В контексте проблемы теоретических и «операциональных» ограничений значимым является не отношение указания, то есть «разрыв» между термином и референтом, а обоснование истинности. Анализ проблемы референции занимает важное место в логико-семантических исследованиях Хилари Патнэма. Однако, по выражению М. Девицка, внутренний реализм Х. Патнэма «начинается не отсюда», он начинается с «проблемы референциальной пропасти» (*scratch in semantics*), Х. Патнэм «ставит телегу семантики перед лошадью онтологии»⁵. Хилари Патнэм почитаем сегодня за свои оригинальные труды по философии математики, по изучению генезиса языка с применением тонкой аналитической техники, он уверенно осуждает философский профессионализм, утверждая, что «жизненный мир» в философии видоизменился в софистичные языковые упражнения [8].

По мнению Б. Страуда, проблема языка науки связана с вопросами сознания и «повернута к науке». Он пишет: «Сегодня интерес вызывает то, как значение может наилучшим образом изучаться, какова должна быть теория значения, что она будет объяснять и как» [10, 172]. Анализ обычного словоупотребления, согласно мысли философа, недостаточно глубок для того, чтобы решить, например, метафизические задачи, поэтому философ поставил перед собой цель создать новый аналитический метод, который «свободен от связи с реальными речевыми ситуациями» [6, 168]. Есть основания полагать, что анализ становится более экспериментальным, усложненным в плане его усовершенствования со временем, чем ранее предполагалось. Философия языка и, следовательно, анализ той или иной области языка понимаются как завершающий этап большо-

го теоретического исследования человеческого сознания. А в целом, согласно взглядам Страуда, современные аналитики «намного ближе к расселовскому пониманию философии, чем к тем критическим идеям, которые были выдвинуты позднее» [10, 173].

В логико-философской практике XX столетия Страуд отмечает актуальность аналитических исследований, в которых соотносятся искусственные и естественные языки. В ходе дискуссий по поводу указанных вопросов выясняется, что нет единого мнения относительно, например, того, каким должен быть анализ предложений, «какими должны быть метафизические выводы». Как и единомышленники, и оппоненты, Б. Страуд рассуждает о теории значения и считает, что лучшая такая теория будет характеризовать в строго логической последовательности значения определенных предложений. Данная теория «отражает то, что мы говорим о мире», что мы считаем реальными вещами в нем. Важна строгая система записи научных высказываний: «Появление наиболее экономичной и ясной научной схемы, – комментирует аналитик, – будет результатом того, что в конце концов диктуется «логической формой» или «онтологическим допущением», которые философ приписывает системе знания, пытаясь организовать его в логических терминах» [10, 174].

Так, предметом современных исследовательских работ по философии и логике является, по мысли Б. Страуда, теоретическое рассмотрение понятия смысла, определение его значения и места в системе человеческого познания, механизмов функционирования языка, коммуникации; не менее важна роль смысловозначительного аспекта в процессе анализа обозначенных языковых механизмов. Таким образом, развитие аналитических концепций проходит под акцентом семантико-гносеологической ориентации. Объективация смысла – важнейшая, по Страуду, гносеологическая тенденция языка науки, где главную роль играют логико-математические методы.

Обобщая вышеизложенное, представляется необходимым заключить, что исследование аналитической философской традиции

XX столетия нельзя считать завершенным. Несмотря на множество интереснейших работ современных исследователей, приведших к формированию ряда адекватных представлений, к признанию характеристик основных концепций и этапов этого течения, остается множество актуальнейших вопросов, подлежащих разработке в ходе историко-философского осмысления его наследия.

К числу этих вопросов, на наш взгляд, относится и проблема раскрытия гносеологического статуса языка науки в наиболее значимых аналитических концепциях. Решение этой проблемы, как нам представляется, может послужить существенным вкладом в разработку современных философско-методологических программ обоснования научного знания.

Список использованной литературы:

1. Арепьев Е.И. Аналитическая философия математики. Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2003.
2. Головкин Н.В. Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: преодоление логицизма // www.philosophy.ru/lib/philyaz/philyaz_2256.html.
3. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006.
4. Даммит М. Истина. Пер. выполнен О.А. Назаровой // [Philosophical Logic/www.philosophy.ru/library/lang/dummett.html](http://www.philosophy.ru/library/lang/dummett.html).
5. Дэвидсон Д. Метод истины в метафизике. Пер. выполнен А.Л. Никифоровой (Davidson D. The method of Truth in Metaphysics. Oxford, 1985) // www.philosophy.ru/library/Davidson/meta.html.
6. Золкин А.Л. Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
7. Куайн У.О. Слово и объект. Пер. с англ. В.Ф. Самсонова / Quine W. O. Word and Object. Cambridge, Mass., 1960, p. 271 // www.philology.ru/linguistics1/samsonov-79.htm.
8. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнema. М., 1996.
9. Рассел Б. Предисловие // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
10. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1993.
11. Стросон П. Значение и истина // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
12. Юлина Н.С. Очерки по философии в США. XX век. М., 1999.